

Ростислав Станков (София)

О “РУСИЗМАХ” БЕРЛИНСКОГО СБОРНИКА

Берлинский сборник (БС), рукопись из собрания Вука Караджича, хранится в Берлинской государственной библиотеке (Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz) под № 48. Фрагмент из трех листов этой рукописи находится в РНБ в Санкт-Петербурге (Q. п. I. 15). Впервые на эту рукопись внимание обратил В. Ягич¹. Краткое описание графики и орфографии БС можно найти у С.А. Кульбакина, который относил рукопись к XIII в.² Фототипическое издание вышло в 1988 г.³, а печатное – в 2006⁴. Издатели БС относят его к началу XIV в., по их мнению, рукопись объединяет тексты разного происхождения, с различной предысторией и отражает, таким образом, многовековые отношения между южнославянскими и восточнославянскими книжными традициями⁵. Еще до издания рукописи Х. Миклас писал, что в БС есть доказательства того, что отдельные восточнославянские юридические рукописи вскоре после появления Номоканона св. Саввы⁶ получили распространение на славянском юге не позднее последней четверти XIII в.⁷ Мнение Микласа основано на тех авторах, которые писали, что в БС и в Иловицкой Кормчей есть русизмы. Издавая текст рукописи БС, авторы (Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева) пришли к заключению, что некоторые языковые особенности БС следует отнести за счет влияния со стороны восточнославянской традиции, т.е. протографы отдельных текстов

¹ V. JAGIĆ, *Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa*, Star 5, 1873, p. 43–68.

² “Судя по почерку, Берлинский Сборник относится к XIII веку”, С.А. КУЛЬБАКИН, *Материалы и замечки по славяноведению (Из отчета о заграничной командировке)*, ЖМНП 354.7, 1904, отделение 2, p. 19.

³ H. MIKLAS, V. ZAGREVIN, *Berlinski sbornik*, Graz 1988.

⁴ *Берлински сборник. Среднобългарски книжовен паметник от началото на XIV век с допълнения от други ръкописи*, ed. X. MIKLAS, L. TASEVA, M. JOVČEVA, София–Wien 2006 (cetera: БС).

⁵ БС, p. 7.

⁶ Видимо, автор имел в виду Иловицкую Кормчую 1262 г.

⁷ H. MIKLAS, *Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluß auf die südslavische Literatur*, [in:] *Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method*, ed. K. TROST, E. VÖKL, E. WEDEL, Neuried 1988 (= *Selecta Slavica* 13), p. 444.

Форма **тнѣ** в (4) также определена как вин. ж. мн., но это может быть уже новая форма показательного местоимения – *тия*, которая в данном случае имеет скорее значение ср. мн.; ее можно рассматривать и как форму **тн** или **тѣ**, расширенную показательной частицей **ѣ**²¹; ср. *тѣе* во Врачанском евангелии: (11) **рѣша ѡмѣ тнѣ** (вар. **тн**, **онн**) *Іо 7, 45*²².

В (5) местоименная форма **ѣ** неправильно определена как форма вин. мн. м.; очевидно, что это форма дв. ч., следовательно, тут нельзя говорить о **ѣ** на месте **ѡ**. В (8) форма **ѡже** определена как вин. мн. ж., на самом деле это форма вин. мн. ср., которая согласуется с причастием **прѣданаѡ** (иначе следовало бы ожидать – **прѣданѣѡ**); т.е. и в этом случае нет буквы **ѣ** вместо **ѡ**. Форма **поржунѣ** в (10) определена как вин. мн. ж. (видимо, авторы имели в виду причастную форму **поржунѣѡ**); текст, возможно, испорчен, и писец имел в виду слово ср. р. во мн. ч. (о фонетической интерпретации ниже). В (9) форма **вратнѣ** определена как род. ед. Это возможно, но лучше интерпретировать форму как им. мн. Обычно **вратнѣ** относится к собирательным существительным ж. р., но уже в древнеболгарскую эпоху оно сочетается с местоимениями других родов и глагольными формами во мн. ч. со значением ‘братья’ и переводит греч. ἀδελφοί (им. мн.): (11) **вѣсн же вѣ вратрѣѣ естѣ** (ἀδελφοί ἐστὲ) *Мт 23, 8* Мариинское евангелие (**вратрѣѣ** *Ассем., Остром.*); (12) **н вратнѣ вѣсн не отъ едѣного н едѣноѡ рожденнѣ** (ἀδελφοί) *Супрасльская рукопись 84, 19*²³. На наш взгляд, в противовес авторам указанных словарей, собирательным данное слово является только в тех случаях, когда оно согласуется с местоимениями ж. р. типа *моѡ, твоѡ, нашѡ* и т. п. Только в этих случаях оно ведет себя как собирательное слово ж. р. и грамматически, и семантически – ‘братство, братия’. Следующий пример из Супрасльской рукописи, где слово согласуется с местоимением ж. р. и причастиями м. р. в им. мн., демонстрирует переходное состояние между формой собирательного существительного ж. р. и формой им. мн. к **врат(р)ѣ**: (13) **Братѣѣ же вѣса пристѣпнѣше падоша на ногу ѣго. молаште повѣдати ѡмѣ...** 570, 18–20 (греч. нет)²⁴. Поэтому в (9), при отсутствии определительных слов, форма **вратнѣ** может иметь значение им. мн. (болг. *братя*); после XII в., когда вин. падеж уже во многих случаях употребляется как общая форма, наблюдается и его замена на им. падеж; такая замена отмечена еще в Синайской псалтири

²¹ Б. Велчева, *Показателни местоимения и наречия в новобългарските паметници от XVI и XVII в.*, ИИБЕ 10, 1964, р. 191.

²² Б. Цонев, *Врачанско евангеле. Среднобългарски паметник от XIII век*, София 1914 (= БС, vol. IV), р. 103.

²³ *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, ed. Э. БЛАГОВА, Р. ВЕЧЕРКА, Р.М. ЦЕЙТЛИН, Москва 1994 (cetera: СС), р. 100; *Slovník jazyka staroslověnského*, ed. J. KURZ, vol. I, Praha 1966 (cetera: SJS), р. 141; *Старобългарски речник*, ed. Д. ИВАНОВА-МИРЧЕВА, vol. I, София 1999, р. 118–119.

²⁴ *Старобългарски речник*, р. 119.

(незълѡба вм. незълѡбѡ)²⁵. Фонетическое объяснение данной формы предполагает та вм. ѡ (также на болгарской почве, см. ниже).

Остальные случаи объясняются фонетически, но не как результат влияния древнерусской орфографии, а как отражение рефлексов ѡ на болгарской почве. Еще В. Ягич предполагал, что ѡ в некоторых случаях является широким гласным звуком типа [ä]²⁶. Идею Ягича подтвердил И. Кочев²⁷, а примеры с рефлексами ѡн, ѡ на месте ѡ в болгарских говорах можно найти, начиная с самых крайних регионов юго-западной болгарской языковой территории и кончая ее крайними юго-восточными регионами²⁸. В среднеболгарских памятниках отмечены случаи та вм. ѡ после гласных и j (Врачанское евангелие, Орбельская триодь, Севастьянов сборник)²⁹, т.е. замена ѡ знаками, выражающими задние гласные³⁰. Согласно другим авторам, здесь имеет место отражение рефлекса большого юса (ж) после j, что зафиксировано в таких словах как *йазѣк*, *йачмѣн*³¹. О том, что ѡ в некоторых районах Болгарии дает а (я), писал еще Т.Д. Флоринский³². Как видно, нет оснований относить случаи та вм. ѡ в БС за счет некоего воображаемого древнерусского протографа.

Следующий “русизм” находится на грани фонетики и лексики. Речь идет о слове ѡпнтѡнна, которое в первом тексте сборника (*Notosanon roenitentialis*) встречается в следующих вариантах: ѡпнтѡнна (7), ѡпнтѡнне (1), ѡпнтѡнна (3), ѡпнтѡнна (1), ѡпнтѡнна (1). В части текста, несохранившейся в БС, распределение вариантов таково: ѡпнтѡнна (5), ѡпнтѡнна (2), ѡпнтѡнне (3), ѡпнтѡнна (1). Как видно, нигде в этом тексте не отмечен исходный вариант ѡпнтѡнна (< ѡпнтѡнна), известный из Супрасльской рукописи! На “русскость” может претендовать лишь одно употребление: ѡпнтѡнна³³. Одна-

²⁵ Д. Иванова-Мирчева, И. Харалампиев, *История на българския език*, Велико Търново 1999, р. 180; И. Харалампиев, *Историческа граматика на българския език*, Велико Търново 2001, р. 189.

²⁶ V. JAGIĆ, *Wie lautete ж bei den alten Bulgaren?*, ASP 3, 1879, р. 347–350.

²⁷ И. Кочев, *Особеностите на назалната вокална корелация в историческия развой на българския език*, БЕ 32.3, 1982, р. 177–183.

²⁸ М. Чомонев, *Застѣпник ѡ < ѡ в говора на с. Аврен, Цариградско*, БЕ 36.1, 1986, р. 71–73.

²⁹ А.-М. Тотоманова, *Из старобългарската историческа фонетика*, София 1992, р. 27, 47, 49.

³⁰ А.-М. Тотоманова, *Среднобългарският вокализъм*, [in:] ЕАДЕМ, *Из историята на българския език. Сборник статии*, София 2009, р. 38; ЕАДЕМ, *Среднобългарският вокализъм*, [in:] Пѡвнѣ малѡ Гевѡргѣю. *Сборник в чест на 65-годишнината на проф. Георги Попов*, София 2010, р. 612.

³¹ Д. Иванова-Мирчева, И. Харалампиев, *op. cit.*, р. 66; И. Харалампиев, *op. cit.*, р. 63; в болгарском этимологическом словаре указаны формы *йазѣк* и *йѡчмѣн* для юго-западных и западных болгарских говоров: *Български этимологичен речник*, vol. I, София 1971 (cetera: БЕР), р. 483, език; р. 517, ечемик.

³² Т.Д. Флоринский, *Лекции по славянскому языкознанию*, vol. I, Киев 1895, р. 75.

³³ БС, р. 85, 12.

ко оснований признать его русизмом при такой картине вариантов слова *ѣпнтѣмнѣ* в рассматриваемом тексте *БС* явно недостаточно. Если в древнерусском языке в начале слова мог стоять только звук [o], то это не позволяет нам считать, что второе *o* в указанных вариантах является особенно-стью древнерусского языка – в древнерусских памятниках такого варианта нет. Все говорит о лексикализации вариантов с начальным *ѣ* – (*ѣпнтѣмнѣ*) и *ѡ* – (*ѡпнтѣмнѣ*) в *БС*. О лексикализации указанных вариантов говорит и колебание в орфографии – *ѡпнтѣмнѣ*. Следует отметить также и формы ср. р. *ѣпнтѣмнѣ*, *ѡпнтѣмнѣ*. В несохранившейся части этого текста отмечен еще один грецизм с начальным *ѡ* – в ср. р. – *ѡктѣѣннѣ*³⁴. Вариант *ѡпнтѣмнѣ* (*ѡпнтѣмнѣ*) можно объяснить фонетически на греческой или болгарской почве: лабиализация (*ε > o, y*) связана с влиянием соседнего лабиального согласного³⁵. Чередование *ѣ* и *ѡ* в *ѣпнтѣмнѣ* может иметь древнее происхождение и восходить к неправильному прочтению глаголических букв *э* (*ε*) и *э* (*o*), это относится и к слову *ѡктѣѣннѣ*. Каково бы ни было происхождение этих вариантов, вряд ли их следует относить за счет влияния гипотетического древнерусского протографа. Тем более, что, как отмечают и сами издатели *БС*, при передаче греческих слов нет строгой орфографической нормы³⁶. Мнение авторов, что это объясняется различными влияниями на тексты, связанными со временем и местом их бытования, неубедительно. Неубедительность такого объяснения видна в связи с другой особенностью передачи грецизмов в *БС*. Так, греч. *θ* передается в *БС* буквой *ѡ*, но в некоторых случаях встречается и буква *ѣ*. Авторы отмечают, что явление зафиксировано в Зографском евангелии. Тем не менее, они, опираясь на другие фонетические и лексические “русизмы”, допускают, что *ѣ* на месте *θ* в *Сказании о злонравных женщинах* и *Откровении Псевдо-Методия Патарского* можно считать русизмом³⁷. Тут необходимо сделать важное методологическое уточнение. Если какое-нибудь явление известно из классических древнеболгарских памятников, то его наличие в среднеболгарской рукописи никоим образом нельзя считать результатом влияния протографа неболгарского происхождения.

Переходим к морфологическим “русизмам”. Среди морфологических “русизмов” совершенно странным образом оказалось окончание 2 л. ед. наст. -шь (*вѣдншь, ѡрѣчѣшь*)³⁸. Окончание -шь было характерно только для диалекта, легшего в основу древнеболгарского письменного языка. С XIII в.

³⁴ *БС*, р. 64, 13–14.

³⁵ Х. Дзидзилис, *Фонетични проблеми при етимологизуване на гръцките заемки в българския език*, София 1990, р. 16.

³⁶ *БС*, р. 393.

³⁷ *БС*, р. 393–394.

³⁸ *БС*, р. 400, 422.

в среднеболгарских памятниках появляются примеры окончания *-шь*: *нзгѡннш* (Банишское евангелие), *тврѡншь*, *хѡщѣш* *лн*, *глаголѣш* (Добрейшово евангелие), *сѣтварѣшъ*, *зѣтварѣшъ* (Германов сборник), *поуѣтншь*, *нандѣшь* (Троянская повесть)³⁹. Аргумент издателей, что в тех же текстах встречается фонетический русизм *ѣ* вм. *ѡ*, как было показано, ничего не доказывает.

Как словообразовательный русизм определен суффикс *-нѣскъ-ѣ* (*-нѣскъ-ѣ*). В то же время издатели, проявляя непоследовательность, пишут, что изолированный характер “русизмов” *сѡтѡннѣскъ* в *Правилах Феодора Студита* и *боуѣнѣскъ*, *жрѡднѣскъ* в *Откровении Псевдо-Мефодия Патарского* не позволяет сделать более определенные выводы относительно истории списков, где читаются эти слова⁴⁰. Последнее звучит несколько странно, так как авторы (см. выше) считают, что в *Откровении* есть и другие русизмы; то же самое касается и слова *сѡтѡннѣскъ* (см. здесь 9, где якобы отмечен русизм *ѣ* вм. *ѡ*). Пример со словом *боуѣнѣскъ* некорректен: в нем выделяется суффикс *-ѣскъ-ѣ*, а не *-нѣскъ-ѣ*, как считают издатели. Слово является образованием от *боуѣнѣ*, зафиксированном в разных списках Евангелия и *Жития Андрея Юродивого* и др.⁴¹ В древнеболгарских рукописях есть слова с концовкой, где *-нѣ* (*-нѣ*) относятся к мотивирующей основе: *мжѣннѣ-ѣскъ*, *страстѣннѣ-ѣскъ*, *владѣнѣ-ѣскъ*, *крѣтнѣ-ѣскъ*. Эти слова могли послужить основой для появления избыточного суффикса *-нѣскъ-ѣ*. По крайней мере, одно такое слово имеется в Супрасльской рукописи: *оубнѣльннѣскъ*⁴². Поскольку данное слово предполагает существование **оубнѣльннѣ* ‘убийца’, В.С. Ефимова выделяет здесь суффикс *-ѣскъ-ѣ*⁴³. Существование *оубнѣльннѣ* на фоне трех слов с тем же значением сомнительно: *оубнѣ* (*оубнѣцѣ*), *оубнѣца*, *оубнѣль* (последнее известно из Гомилиара Михановича, сербской рукописи XIII в.⁴⁴). Здесь гораздо более вероятно существование (правда, незафиксированного) прилагательного **оубнѣльнѣ*, от которого посредством избыточного суффикса *-нѣскъ-ѣ* образовано *оубнѣльннѣскъ*. В Супрасльской рукописи есть еще одно подобное слово, являющееся предметом спора: *нзѣщѣннѣскъ* (старѣннѣннѣ *нзѣщѣннѣскъ* ‘старший таможенник’)⁴⁵. Р.М. Цейтлин восстанавливает *нзѣщѣннѣ*, которое соотносится со значением

³⁹ Д. Иванова-Мирчева, И. Харалампиев, *op. cit.*, p. 133–134; И. Харалампиев, *op. cit.*, p. 137; К. Мирчев, *Историческа граматика на българския език*³, София 1978, p. 210.

⁴⁰ БС, p. 419–420.

⁴¹ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, vol. I, Санкт-Петербург 1893, col. 195; F. Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae 1862–1865, p. 48.

⁴² СС, p. 720; SJS, vol. IV, Praha 1997, p. 574–575; *Старобългарски речник*, vol. II, София 2009, p. 1014.

⁴³ В.С. Ефимова, *Старославянская словообразовательная морфемика*, Москва 2006, p. 241.

⁴⁴ F. Miklosich, *op. cit.*, p. 1030.

⁴⁵ СС, p. 258; SJS, vol. I, p. 759; *Старобългарски речник*, vol. I, p. 627.

глагола *нѣзѣти* ‘изъять, выбрать, собрать’⁴⁶. В словаре Миклошича указано *нѣзѣти* без примеров со ссылкой на Лексикон Берынды⁴⁷. А. Вайан для *нѣзѣти* и *нѣзѣтичскѣ* предполагает исходное прилагательное **izęstь* по подобию зафиксированных *нншть*, *тѣшть*⁴⁸.

Другим словообразовательным русизмом в БС якобы является глагольный суффикс *-ыва-/-нва-*. Издатели БС отметили, что в древнеболгарском указанный суффикс зафиксирован только в глаголе *цѣлывати* (со ссылкой на А. Вайана⁴⁹), но, поскольку суффикс широко распространился в древнерусских памятниках XIII–XIV вв., исследователи считают его особенностью русского глагольного словообразования (со ссылкой на одну из работ В.Б. Силиной⁵⁰). А. Вайан отмечает, что формы на *-ыва-* чередуются с формами на *-ова-*, указывая при этом на два глагола в древнеболгарских памятниках: кроме *цѣлывати* (*Ассеманиево евангелие*, *Супрасльская рукопись*), в Псалтири (103, 5) есть причастие *оснываяан*. (Заметим попутно, что глагол *цѣлывати* сохранился в болгарском языке.) Далее Вайан пишет, что древнерусские “церковнославянские” памятники заменяют *-ова-* на *-ыва-* с указанием на *Хронику* Георгия Амартола (ХГА); то же самое явление, но позднее, наблюдается в сербо-хорватском “церковнославянском” языке.

В русской литературе В.Б. Силина установила мнение, что суффикс *-ыва-/-нва-* возник на собственно древнерусской почве; он стал универсальным средством имперфективации и сохранил продуктивность в русском языке⁵¹. Первые глаголы с этим суффиксом появляются в XII в., к концу XIV в. они получают широкое распространение, хотя на протяжении всего древнерусского периода они все еще существуют в рамках корреляции с имперфективами на *-а-* и *-ова-*. Пик их продуктивности приходится на XV–XVII вв., лишь к середине XVIII в. заканчивается процесс утраты глаголов на *-ова-*⁵².

В работах В.Б. Силиной есть некоторые несоответствия. Так, в 1982 г., согласно Силиной, в картотеке *Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.* зафиксировано 38 лексем на *-ыва-/-нва-* в составе парных корреляций,

⁴⁶ Р.М. Цейтлин, *Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, Москва 1977, р. 91.

⁴⁷ F. Miklosich, *op. cit.*, р. 254.

⁴⁸ A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, vol. IV, *La formation des noms*, Paris 1974, р. 333; цитировано по: В.С. Ефимова, *op. cit.*, р. 241.

⁴⁹ А. Вайан, *Руководство по старославянскому языку*, Москва 1952, р. 370.

⁵⁰ БС, р. 419, footnote 70.

⁵¹ В.Б. Силина, *История категории глагольного вида*, [in:] *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*, ed. М.В. Шульга, Москва 1982, р. 260, 278; ЕАДЕМ, *Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке*, [in:] *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, ed. Л.П. Жуковская, Москва 1987, р. 197.

⁵² В.Б. Силина, *История категории...*, р. 260–264, 278.

а в 1987 г. число этих глаголов в картотеке словаря возросло до 168, которые распределяются по векам следующим образом: XII в. – 10 глаголов; XIII в. – 23; XIII–XIV вв. – 16; XIV в. – 112; первая четверть XV в. – 63⁵³ (итого получается 224). Кроме того, автор пишет, что “первые примеры образований на *-ива-/-ыва-*, относящиеся к XII в. (10 глаголов в 14 употреблениях), отмечаются в житийно-поучительной литературе и в большинстве своем встречаются в переводных памятниках” (9 примеров в *Житии Феодора Студита*, 3 примера в *Ефремовской Кормчей*, 2 примера в *Сказании о Борисе и Глебе*)⁵⁴. Согласно индексу К.А. Максимовича, в *Ефремовской Кормчей* 4 таких глагола: *повѣдывати, показывати, помазывать, съвязывать*⁵⁵; вполне возможно, что на русской почве эти глаголы заменили исходные формы *повѣдовати, показовати, помазовати, съвязовати*.

Можно ли считать, что суффикс *-ыва-* является собственно древнерусским? В связи с этим интересно мнение С.Л. Николаева: “Характерной чертой говоров литературного типа является также редкое в славянских языках праславянское диалектное отличие глагольного деноминативного *-ова-/-ије-* от девербативного *-ува-/-ије-*, первоначально присоединявшегося почти исключительно к основам *a/je-* глаголов и в дальнейшем ставшего универсальным итеративным формантом (*указывать, привязывать, намазывать* в отличие от *следовать, беседовать*). Все прочие восточнославянские говоры, кроме части центральнобелорусских, имеют в обоих случаях рефлекс **-ова*. Из других славянских языков только литературный польский и мазовецкие говоры (...) и некоторые штокавские говоры (в том числе и литературный сербохорватский) имеют распределение этих суффиксов, аналогичное литературному русскому”⁵⁶. Из этого высказывания видно, что возникновение суффикса *-ыва-* относится к праславянскому периоду, в то же время он характерен исключительно для русских говоров литературного типа. На наш взгляд, отнесение данного суффикса к праславянскому периоду спорно, ввиду его употребления в древнеболгарских и в древнерусских рукописях, о чем было сказано. Среди праславянских глагольных суффиксов значится только формант *-ова*⁵⁷. Что касается сербского языка, то увеличение глаголов с суффиксом *-ива-* относится к XIV–XV вв.⁵⁸

⁵³ В.Б. Силина, *История категории...*, р. 260; ЕАДЕМ, *Специфика...*, р. 198.

⁵⁴ В.Б. Силина, *Специфика...*, р. 199.

⁵⁵ *Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славянско-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели*, coll. К.А. МАКСИМОВИЧ, ed. Л. БУРГМАНН, Frankfurt am Main 2010 (= FBR 27, *Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln*), р. 510, 576.

⁵⁶ С.Л. НИКОЛАЕВ, *Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов*, ВЯ 3, 1994, р. 44.

⁵⁷ *Słownik prasłowiański*, ed. F. SŁAWSKI, vol. I, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1974, р. 48.

⁵⁸ А. БЕЛИЋ, *Историја српскохрватског језика*, vol. II.2, *Речи са конјугациојм*, Београд 1969, р. 40–41.

Возникает вопрос, насколько удачен пример с ХГА А. Вайана, так как это не оригинальный древнерусский текст. В ХГА отмечено 19 глаголов с суффиксом -*ыва-* и 2 глагола с суффиксом -*нва-*. Разночтения в отдельных списках показывают, что по крайней мере в семи случаях в переводе стояли глаголы с суффиксами -*а-* и -*ова-*: *въспнствывахоу* (*воспнсовахоу* E² 179v19) 62, 7⁵⁹; *нзмѣтывахоутъ* (*нзмѣтахътъ* SE²) 263, 3; *ѡбрѣзываети сѧ* (*ѡбрѣзовати сѧ* Сп)⁶⁰ 450, 11; *ѡбѣтываше* (*ѡбѣгаше* Сп) 348, 19–20; *показываше* (*показоваше* E² 177r26) 537, 21; *прнкасываше сѧ* (*прнкасашеть сѧ* SE²) 289, 23; *росказывает* (*росказа* Ув)⁶¹ 559, 20. Поскольку основное число древнерусских списков ХГА относится к XV–XVI вв., замену форм на -*а-* и -*ова-* формами на -*ыва-* можно отнести за счет влияния древнерусской традиции. В одном случае, однако, глагол с суффиксом -*ыва-* бесспорно относится к переводу: *ѡснывающемь* (*ѡснывающнмь* E² 381v26) 535, 5 (см. выше). В остальных случаях на основании данных существующих словарей можно предполагать исходный глагол на -*а-* или -*ова-*. Вместе с тем нельзя отказаться от допущения, что единичные глаголы, возможно, тоже относятся к переводу ХГА, например, *размышлинѧ* 430, 19 (в русском только *размышлять*, ср. *размышливати* в сербском кодексе XVI в.⁶²).

Малое число древнеболгарских рукописей не позволяет определить степень распространения суффикса -*ыва-* в древнеболгарском языке. Можно лишь предполагать, что в нем были и другие единичные образования с этим суффиксом кроме *цѣлывати* и *оснывати*. Поэтому трудно согласиться с тем, что суффикс -*ыва-* возник на собственно древнерусской почве, несмотря на то, что он слабо продуктивен в древнеболгарском и не характерен для современного болгарского языка. Последнее свидетельствует о том, что данная модель не получила широкого распространения в древнеболгарском языке. Появилась ли она в древнерусском письменном языке под влиянием древнеболгарского, тоже нельзя с уверенностью сказать.

Что касается БС, то те три глагола с суффиксом -*нва-*, на которые указывают издатели, следует отнести за счет влияния со стороны сербского языка:

⁵⁹ Числа указывают на страницу и строку в издании: В.М. Истрин, *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь*, vol. I, *Текст*, Петроград 1920; краткие сведения о древнерусских списках с их обозначениями, которые использованы и в настоящей работе, см. в: В. Матвеевко, Л. Щеголева, *Книги временныя и образныя Георгия Монаха*, vol. I.1, Москва 2006, р. 32–38; Р. Станков, *Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола в древнерусской письменной традиции*, СЛ 39–40, 2008, р. 47–48.

⁶⁰ На основании этого чтения в переводе можно реконструировать глагол *ѡбрѣзовати сѧ*.

⁶¹ Контекст подсказывает, что аористная форма предпочтительнее.

⁶² F. Miklosich, *op. cit.*, р. 779.

(14) Я на латинѣхъ складнваеть.л̄. въиъ зльиъхъ л. 1v⁶³;

(15) н пакѣи-н-стрѣблвватн вѣрь л. 4v⁶⁴;

(16) нже ѡвѣвъ братьне прѣгрѣшенне. а послѣдѣ научеть ѡкарнвати. да ѡлжунт сѧ нѣлж едѣж л. 41r⁶⁵;

Относительно (14) издатели допускают и вариант н складнваеть. Ф. Миклошич также видит здесь форму складнваеть⁶⁶. С этим нельзя согласиться по той причине, что совершенно неуместно одновременное использование двух противоположных по значению союзов (а и н), так как это нарушает строе-ние всей фразы, которую можно перевести так: “А против латинян излагает 30 злых провинностей”. Ср. также чуть ниже: (17) а въ нѣйже складнвати стѣиънъ ѡцѣи много въиъ зльиъхъ л. 1v⁶⁷. Данный глагол не может быть русизмом и по другой причине: наличие приставки нз- выделительного значения. В (15) нстрѣблвватн также не может быть русизмом; ср. серб. *истребљивати* при рус. *истреблять*.

Несколько сложнее обстоит дело с формой оукарнвати в (16), которая, кроме БС, известна еще из Ипатьевской летописи:

(18) н въяхутсѧ крѣпко н много ѡ вбои падаху (вар. падше); Дръучане же оукарнвахутъ (вар. оукарнвахъ) много (6667)⁶⁸;

(19) Отець же его Мнндовгъ оукарнвашетьсѧ ему по его житю (вар. оукарнваше его про его житіе), ѡнъ же на ѡцѣ своего нелюбовашеть (вар. нелюбоваше) велми (6770)⁶⁹.

И.И. Срезневский считает, что в (18) глагол означает ‘укорять’, а в (19) – ‘укорять, сердиться’⁷⁰. Непонятно, однако, кого и за что укоряли Дручане в (18). В Воскресенской летописи текст звучит несколько иначе: (20) и бяхутсѧ крѣпко и много падоша отъ обоихъ, Дручане же коряхуть (вар. укоряху) ихъ много лающе (6667)⁷¹. На наш взгляд, вариант в Воскресенской летописи является более поздним переосмыслением непонятного ввиду его редкости глагола оукарнвати; ср. беспрефиксальный глагол карити ‘оплакивать’ в той же Ипатьевской летописи: (21) Б то же верема оумре княгини Мнндовгова, н поца карити по нен... се сестра твога мертва, а поѣдн каритъ по

⁶³ БС, р. 68, 3–4.

⁶⁴ БС, р. 74, 4.

⁶⁵ БС, р. 149, 11–14.

⁶⁶ F. MİKLOSICH, *op. cit.*, р. 927, съкладывати.

⁶⁷ БС, р. 68, 8–9.

⁶⁸ Полное собрание русских летописей, vol. II, *Ипатьевская летопись*², Санкт-Петербург 1908, col. 494.

⁶⁹ *Ibidem*, col. 859.

⁷⁰ И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ, *op. cit.*, vol. III, Санкт-Петербург 1912, col. 1178.

⁷¹ Полное собрание русских летописей, vol. VII, *Летопись по Воскресенскому списку*, Санкт-Петербург 1856, р. 67–68.

свои сестрѣ (6770)⁷². В (18) Дручане оплакивали погибших, а не “укоряли” их. В (19) контекст допускает двоякое толкование: ‘укорять, сердиться’, ‘оплакивать, огорчаться’. Второе выглядит более вероятным ввиду того, что контексты (19) и (21) находятся в летописи рядом. Иными словами, глагол оукаривати (с.л) в Ипатьевской летописи отличается по смыслу от глагола в БС.

Глагол **kariti* известен двум славянским языкам: сербохорв. *kārīti* ‘сердить, злить’, *kārīti se* ‘сердиться, злиться’, диал. *kārit* ‘огорчать, сердить’; рус. диал. *kāritь* ‘упрекать, выговаривать’, рус. диал. *kāritься* ‘жаловаться’⁷³. В литературе, как правило, сближают глаголы **kariti* и **koriti*⁷⁴. О.Н. Трубачев ввиду древней долготы и подударности корневого гласного и самобытной семантики др.-рус. карити настаивает на особой этимологизации **kariti*, несмотря на его большое сходство с **koriti*⁷⁵. В этой схеме неясным остается место болгарских форм *укарисам*, *укарисвам*, которые Н. Геров толкует глаголами *укорясам*, *укорясвам*, т.е. ‘укорить, укорять’⁷⁶, а в Болгарском этимологическом словаре этих форм при глаголе *коря* ‘корить’ нет⁷⁷, хотя, вероятно, их нужно отнести к нему ввиду безударного корневого гласного, согласно О.Н. Трубачеву. Скорее всего, чередование *o-a* в болгарских формах нужно рассматривать в рамках глагола **koriti*, правда, несколько смущает объединение А. Дювернуа форм *укоря*, *укарям* в одну словарную статью⁷⁸, так как ударение в *укарям* падает на корневой гласный. В таком случае последнюю форму можно рассматривать как итеративную по отношению к *укоря*.

В итоге, в (16) форму оукаривати нужно рассматривать как вариант оукарити (ср. болг. *укарисам*, *укарям*), а суффикс -нв- причислить к немногим сербским особенностям, зарегистрированным в БС. Рукопись сборника издатели локализируют в Северной Македонии⁷⁹. Еще одно важное методологическое уточнение: в болгарской рукописи XIII–XIV вв., писанной в контактной зоне с сербским языком, могут обнаружиться единичные сербские языковые особенности, русских особенностей быть не может. Тем не менее, и в этом отношении необходимо проявлять осторожность. Так, издатели

⁷² Полное собрание русских летописей, vol. II, col. 859.

⁷³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, ed. О.Н. Трубачев et al. (cetera: ЭССЯ), vol. I–XXXVII, Москва 1974–2011; vol. IX, p. 153–154.

⁷⁴ Cf. хотя бы: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, vol. II, Москва 1986, p. 199–200.

⁷⁵ ЭССЯ, vol. IX, p. 154.

⁷⁶ Н. Геров, Речник на българския език, vol. V, Пловдив 1904, p. 427, 429.

⁷⁷ БЕР, vol II, София 1979, p. 651.

⁷⁸ А. Дювернуа, Словарь болгарского языка по памятникам народным и произведениям новейшей печати, vol. II, Москва 1889, p. 2421.

⁷⁹ БС, p. 422–423.

БС в число сербских особенностей рукописи включили п на месте греч. ф. Данное явление можно было бы определить и как русскую особенность, но это неосновательно, ср. *пѣникъ съ* – *φοῖνιξ* в Синайской Псалтири⁸⁰.

Под конец рассмотрим лексический “русизм” *смолокотнага*: (22) *ѿще н волѣн бжджѣ. Нлн роума шнветъ. нлн ѿ дхѣ неѣтаго. нлн смѣолокотнага волѣзнь* л. 5v⁸¹. М. Йовчева и Л. Тасева, ссылаясь на Х. Микласа, связывают гапакс с укр. *смолотока* ‘насморк’ (от *смоли* ‘сопли’). Таким образом, сочетание *смолокотнага волѣзнь* якобы должно означать некое хроническое заболевание, сопровождаемое течением⁸². В самом же издании БС те же авторы указали на укр. *смолотока* как на вероятную параллель прилагательного *смолокотънага*, не определяя его семантику⁸³. Новую гипотезу толкования сочетания *смолокотнага волѣзнь* недавно выдвинула Е. Мирчева. Автор предлагает разделить текст (22) по-другому: *ѿще н волѣн бжджѣ. Нлн роума шнветъ. нлн ѿ дхѣ неѣтаго. нлн съ молокотнага волѣзнь*. В этом варианте перед нами уже словосочетание с предлогом *съ*, чье значение определено как ‘от’⁸⁴. Автор объединяет этимологически праславянские формы **molka/*molku*, **molkyta* и **mlakъ*, **mlakavъ*. В итоге получается словосочетание *молокотънага волѣзнь* ‘болотная лихорадка, малярия’, причем прилагательное является русизмом в БС⁸⁵.

Гипотезу следует признать неудачной. Во-первых, слабым моментом является синтаксическая часть, несмотря на то, что знак ” в БС используется для обозначения пропущенного ѣ или ь. Предлог *съ* требует после себя либо родительного, либо творительного падежа, его присутствие в (22) нарушает структуру фразы. Между предлогами *съ* и *отъ* в древнеболгарском нет точек соприкосновения в области семантики, с некоторой натяжкой можно сблизить пространственные значения ‘указание на исходный пункт движения’ (*възнде отъ воды* Mt 3, 16) и ‘указание на направление движения’ (*съшедшемиъ нлн съ горы* Lc 9, 37)⁸⁶.

Во-вторых, критическое замечание автора в адрес *Этимологического словаря славянских языков* относительно разграничения **molka/*molku* и **mlakъ*, **mlakavъ* дискуссионно. **Molka/*molku* имеет современные параллели только в южнославянских и западнославянских языках, исключая

⁸⁰ СС, р. 758.

⁸¹ БС, р. 76, 4–7.

⁸² М. ЙОВЧЕВА, Л. ТАСЕВА, *Редки думи от Берлинския сборник*, Pbg 16.4, 1992, р. 44.

⁸³ БС, р. 419.

⁸⁴ Е. МИРЧЕВА, *По дирите на една необичайна дума в българската книжнина или от какво може да бъде болен епископът и пак да бъде епископ*, ЕЛ 48.1/2, 2013, р. 103.

⁸⁵ *Ibidem*, р. 103–105.

⁸⁶ СС, р. 425, 635.

польский⁸⁷; **molkyta* представлено только в восточнославянском ареале со значениями ‘вид ивы’, ‘болото, топь’, ‘лоза, из которой плетут корзины’⁸⁸; **mlakъ*, **mlakavъ* имеет параллели только в южнославянских (болгарском и сербском) языках⁸⁹. Иными словами, между болгарским выражением *млаково ми* ‘я болен, мне не хочется есть’ (**mlakavъ*) и словом *млáка* (‘топкое, болотистое место, где, когда копают, выступает вода’, ‘топкое, болотистое место, болото’, ‘низкое, топкое, всегда зеленое место’) нет той этимологической связи, на которой Е. Мирчева строит свою гипотезу. **Mlakъ* возводится к и.-е. **ml-āk-*⁹⁰, в то время как **molka*/**molky* и производное **molkyta* связаны с **melko*, а это последнее возводится к и.-е. **melk-*⁹¹. Другие авторы принимают это разделение слов, но высказывают осторожное предположение о возможном родстве болг. *млака* (< **molka*) и *млак* ‘прохладный, тепленький’ (< **mlakъ*), реконструируя первоначальное значение как ‘нечто мягкое’⁹². О.Н. Трубачев, однако, вслед за А. Брюкнером видит родство **melko* и **molka*/**molky* в том, что они определенным образом называют текучую жидкость, ср., например, греч. *μῆλκιον* ‘родник, источник, ключ’.

Кроме того, ссылаться на редкое болгарское выражение, не имеющее соответствия в восточнославянском ареале, и определять прилагательное в реконструированном словосочетании как лексический русизм логически неоправданно.

В одном Е. Мирчева права: насморк слишком незначительное заболевание, чтобы оно могло иметь место в данном тексте. Что собственно означает *смолокотътната болѣзнь*, при отсутствии греческой или латинской параллели трудно сказать. Во всяком случае у нас нет оснований менять форму прилагательного в этом словосочетании. Перед нами сложное слово, чья вторая часть, **kotъnaja*, известна всем славянским языкам, ср. болг. *котна* ‘беременная, котная, суягная’, рус диал. *котная* ‘суюгная (об овце)’ и т.д.⁹³ Первую часть слова, скорее всего, нужно отнести к *смола* вопреки знаку ”, ср. болг. диал. выражение *смолна вода* ‘пот тяжело больного человека’⁹⁴. Можно предположить, что в (22) *смолокотътната болѣзнь* означает какое-то тяжелое наследственное заболевание.

⁸⁷ Слова, отмеченные в польском и украинском, являются заимствованиями из словацкого: ЭССЯ, vol. XIX, p. 189.

⁸⁸ *Ibidem*, p. 189.

⁸⁹ *Ibidem*, p. 63–64.

⁹⁰ *Ibidem*, p. 64.

⁹¹ ЭССЯ, vol. XVIII, p. 86–87.

⁹² БЕР, vol. IV, София 1995, p. 158–159.

⁹³ ЭССЯ, vol. XI, p. 219–220; БЕР, vol. II, p. 678.

⁹⁴ БЕР, vol. VII, София 2011, p. 195–197.

В заключение необходимо отметить, что идея о наличии русизмов в БС вписывается в общую проблематику так называемого “восточнославянского влияния” на южнославянскую письменность в XII–XIII вв. Как видно, эта идея серьезной критики не выдерживает, да и не может выдержать. В этом отношении, однако, предстоит еще большая работа.

Библиография/Bibliography

- JAGIĆ V., *Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa*, Star 5, 1873, p. 43–68.
- JAGIĆ V., *Wie lautete ж bei den alten Bulgaren?*, ASP 3, 1879, p. 312–357.
- MIKLAS H., *Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluß auf die südslavische Literatur*, [in:] *Symposium Methodianum. Beiträge der International Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method*, ed. K. TROST, E. VÖKL, E. WEDEL, Neuried 1988 (= *Selecta Slavica* 13).
- MIKLAS H., V. ZAGREBIN, *Berlini sbornik*, Graz 1988.
- MIKLOSICH F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae 1862–1865.
- Slovník jazyka staroslověnského*, ed. J. KURZ, vol. I, Praha 1966.
- Słownik prasłowiański*, ed. F. SŁAWSKI, vol. I, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1974.
- VAILLANT A., *Grammaire comparée des langues slaves*, vol. IV, *La formation des noms*, Paris 1974.
- * * *
- БЕЛИЋ А., *Историја српскохрватског језика*, vol. II, 2, *Речи са конјугациојм*, Београд 1969, p. 40–41.
- Берлински сборник. Среднобългарски книжовен паметник от началото на XIV век с допълнения от други ръкописи*, ed. X. МИКЛАС, Л. ТАСЕВА, М. ЙОВЧЕВА, София–Wien 2006.
- Български етимологичен речник*, vol. I–II, София 1971, 1979.
- ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва 1952.
- ВЕЛЧЕВА Б., *Показателни местоимения и наречия в новобългарските паметници от XVI и XVII в.*, ИИБЕ 10, 1964, p. 159–233.
- Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славянско-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели*, coll. К.А. МАКСИМОВИЧ, ed. Л. БУРГМАНН, Frankfurt am Main 2010 (= FBR 27, *Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln*).
- ГЕРОВ Н., *Речник на българския език*, vol. V, Пловдив 1904.
- ДЗИДЗИЛИС Х., *Фонетични проблеми при етимологизиране на гръцките заемки в българския език*, София 1990.
- ДЮВЕРНУА А., *Словарь болгарского языка по памятникам народным и произведениям новейшей печати*, vol. II, Москва 1889.
- ЕФИМОВА В.С., *Старославянская словообразовательная морфемика*, Москва 2006.
- ИВАНОВА-МИРЧЕВА Д., ХАРАЛАМПИЕВ И., *История на българския език*, Велико Търново 1999.
- ЙОВЧЕВА М., ТАСЕВА Л., *Редки думи от Берлинския сборник*, Pbg 16.4, 1992, p. 34–49.

- Истрин В.М., *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь*, vol. I, Текст, Петроград 1920.
- Кочев И., *Особенности на назалната вокална корелация в историческия развой на българския език*, БЕ 32.3, 1982, p. 177–183.
- Кульбакин С.А., *Материалы и замекти по славяноведению (Из отчета о заграничной командировке)*, ЖМНП 354.июль, 1904, отделение 2, p. 18–47.
- Матвеев В., Щеголева Л., *Книги временные и образные Георгия Монаха*, vol. I.1, Москва 2006.
- Мирчев К., *Историческа граматика на българския език*³, София 1978.
- Мирчева Е., *По дирите на една необичайна дума в българската книжнина или от какво може да бъде болен епископът и пак да бъде епископ*, ЕЛ 48.1–2, 2013, p. 97–106.
- Николаев С.Л., *Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов*, ВЯ 3, 1994, p. 23–49.
- Полное собрание русских летописей*, vol. VII, *Летопись по Воскресенскому списку*, Санкт-Петербург 1856.
- Полное собрание русских летописей*, vol. II, *Ипатьевская летопись*², Санкт-Петербург 1908.
- Силина В.Б., *История категории глагольного вида*, [in:] *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*, ed. М.В. Шульга, Москва 1982, p. 158–279.
- Силина В.Б., *Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке*, [in:] *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, ed. Л.П. Жуковская, Москва 1987, p. 196–208.
- Срезневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, vol. I–III, Санкт-Петербург 1893–1912.
- Станков Р., *Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола в древнерусской письменной традиции*, СЛ 39–40, 2008, p. 45–103.
- Старобългарски речник*, ed. Д. Иванова-Мирчева, vol. I–II, София 1999, 2009.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, ed. Э. Благова, Р. Вечерка, Р.М. Цейтлин, Москва 1994.
- Тотоманова А.-М., *Из старобългарската историческа фонетика*, София 1992.
- Тотоманова А.-М., *Среднобългарският вокализъм*, [in:] ЕАДЕМ, *Из историята на българския език. Сборник статии*, София 2009, p. 36–42.
- Тотоманова А.-М., *Среднобългарският вокализъм*, [in:] *Пчине мало Гевурню. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. Георги Попов*, София 2010, p. 610–617.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, vol. II, Москва 1986.
- Флоринский Т.Д., *Лекции по славянскому языкознанию*, vol. I, Киев 1895.
- Харалампиев И., *Из езиковите особености на Берлинския сборник, среднобългарски паметник от XIII век*, БЕ 47.2, 1997–1998, p. 4–8.
- Харалампиев И., *Историческа граматика на българския език*, Велико Търново 2001.
- Цейтлин Р.М., *Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, Москва 1977.
- Цонев Б., *Врачанско евангеле. Среднобългарски паметник от XIII век*, София 1914 (= БС, vol. IV).
- Чомонев М., *Застъпник ѧ < ѡ в говора на с. Аврен, Цариградско*, БЕ 36.1, 1986, p. 71–73.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, ed. О.Н. Трубачев et al., vol. I–XXXVII, Москва 1974–2011.

Abstract. About “russicisms” of Berlinski Sbornik. The article deals with the problem of the so-called “eastslavonic influence” on southslavonic literature in 12th–13th centuries. The idea, based on claims that some Bulgarian and Serbian manuscripts of the period (among them Berlinski Sbornik) contain russicisms, is complete misconception.

Ключевые слова: Берлинский сборник, древнеболгарский, древнерусский, русизм, “восточнославянское влияние”.

Keywords: Berlinski Sbornik, Old Bulgarian, Old Russian, russicism, “eastslavonic influence”.

Rostislav Stankov

St. Clement of Ohrid University of Sofia
15 Tsar Osvoboditel blvd.
1504 Sofia, Bulgaria
r_stankov@abv.bg